

И НАСТАЛА ЭРА ТАНГИЛЯ.

Фантастическая повесть

© 2014 – **Александра Треффер**

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from the copyright owner.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be emailed to:
alexandra.treffer@yandex.ru

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Иллюстрации и обложка автора.

Вебсайт: <http://knigi-treffer.ucoz.net/>

Об авторе.

Александра Треффер – прозаик, поэтесса, композитор-песенник, вокалист. Профессиональный работник культуры. В её литературном активе романы, повести, рассказы в жанре фантастики и фэнтези с элементами мистики и хоррора, а также стихи, тексты авторских песен и другое.

О книге.

Фантастика.

Повесть «И настала эра Тангиля» была опубликована в альманахе «Искатель» в 2017 году, а также вошла в роман «Шизофрения».

Однажды вокруг ведущего актёра драматического театра Николая Комарова начинают происходить непонятные и пугающие события. Столкнувшись с неизвестными созданиями тьмы, он медленно преобразуется, приобретая иную физическую форму и воспоминания о том, чего никогда не знал. Метаморфозам подвергаются и его дети. И, как выясняется позже, это происходит со многими во всём мире. Что же это? Неизвестная науке болезнь или...

Глава 1

В огромной белой комнате, стены которой скрывали большие зеркала, сидел мужчина. Костистое лицо очень высокого, худого человека отличалось неправильностью черт, а непропорционально большие глаза с красной радужкой и вертикальной узкой прорезью зрачка напоминали о легендарном графе Дракуле. Фигуру незнакомца плотно облегал серый, бархатистый костюм, а в руках он держал небольшой прибор, на дисплее которого высвечивался ряд цифр и непонятных знаков. Время от времени раздавался негромкий вой, и тогда мужчина нажимал одну из кнопок, расположенных на пульте, встроенном в ручку кресла.

В дверь постучали, и в помещение вошёл человек, одетый так же, как и хозяин.

– Что тебе нужно, Ропе? – поинтересовался последний.

– Я принёс весть, мой *жатиур*, – почтительно сказал визитёр, – а плоха она или хороша, судить вам.

***Жатиур (лиолисианское)*– особый вид (мутант). Обладает огромной силой. Со временем имя стало нарицательным, обозначающим властелина.**

– Да уж, конечно, – не отрывая взгляда от экрана, пробормотал долговязый, – не тебе. Итак, что ты хочешь мне сообщить?

– В начале второй декады *адореха* в семье *эвгаста* и обычной женщины родился ребёнок. При этом произошёл огромный выброс энергии, свидетельствующий о появлении на свет нового жатира...

***Адорех (лиолисианское)*– один из очень долгих месяцев на Лиолисе.**

***Эвгаст, эвгаста (лиолисианское)*– боевые биороботы мужского и женского пола.**

– Что-о?!

Сидящий вскочил.

– И я узнаю об этом только сейчас?!

– Простите, повелитель, шифрограмма задержалась, слишком много препятствий. Что прикажете предпринять?

– Свяжись с *вуши*, пусть они заберут ребёнка и доставят сюда. Почти всю долгую эру *генгеста* я в одиночку нёс тяготы власти, не имея возможности никому передать

свои полномочия. И теперь, когда во Вселенной появилась новая особь моего вида, её необходимо соответственно воспитать, чтобы она продолжила дело. А этим могу заниматься только я, нельзя оставить юного властелина на руках эвгаста. Он инициирован?

Вуши (лиолисианское)– живой чёрный ослизлый туман, зародившийся во тьме Лиолиса после того, как звезда Алгор погасла. Обладает способностями перемещаться в космическом пространстве без корабля и переносить внутри себя живую органику.

Эра генгеста (лиолисианское)– эра миролюбия.

– Вуши попытался это сделать, но упрямец вытолкнул его из головы.

– Тогда пусть повторит попытку или, если тот станет упираться, воздействует на его детей, соседей, на кого угодно, лишь бы мой преемник оказался здесь. Нельзя терять времени, ещё немного, и будет поздно.

– Есть!

Дважды хлопнув себя ладонью правой руки по левому плечу, гость покинул белую комнату, а хозяин вскочил с кресла и забегал по помещению. Резко остановившись, он прошипел:

– Как бы не так – новый жатир! Я уничтожу маленького соперника. Власть принадлежит мне!

Шло заседание худсовета. Николай Комаров – сорокадвухлетний актёр нервно постукивал пальцами по столу, проклиная всех худруков и режиссёров на свете.

Худрук – художественный руководитель театра, коллектива.

Он рвался домой. Утром восьмилетняя дочка Лиза внезапно заболела и лежала теперь с высокой температурой, хныча и требуя папу. За ребёнком ухаживала мать, но Николай всё равно переживал, и обсуждение глупой пьески, несмотря на то, что его ждала в ней главная роль, раздражало артиста до слёз.

– Коля, а ты что думаешь? – внезапно обратился к нему с вопросом директор Николай Михайлович.

Комаров правдиво ответил:

– Я мечтаю отсюда уйти, у меня Лизочка в жару лежит. Уж простите, я не слышал ничего.

Директор с сожалением поцокал языком и участливо поинтересовался:

– А Лена разве не с ней?

– С ней, но поймите...

– Николай, – строгим голосом прервала его Ирина Сергеевна – худрук театра, – у всех нас дома сложности, но работа есть работа. Другое дело, если бы девочка осталась одна. Мы бы не настаивали на твоём присутствии.

– Ну, да, как же, – зло подумал Комаров, – тебя только собственные проблемы волнуют...

И в этот момент за него неожиданно вступился молодой режиссёр, занимающийся постановкой:

– Да отпустите вы его, господа. Вам ли не знать, как высока трудоспособность Николая Александровича, и как он дотошен в работе над образом. Вы же не думаете, что он не справится с ролью? Идите к дочке, Николай, а завтра мы встретимся и поговорим.

Комаров благодарно пожал руку заступника, попрощался с коллегами и выскочил за дверь. Коридор не освещался, театр соблюдал жёсткую экономию, как, впрочем, и другие учреждения сферы культуры и искусства. На ходу вызывая по сотовому такси, Николай направился к светлой точке впереди; в фойе горела дежурка. Когда он проходил мимо ниши, где когда-то стоял бюст Ленина, ему померещилось, что в ней шевельнулось большое и чёрное нечто, выделяющееся даже на фоне окружающего мрака. Останавливаться Комаров не стал, мало ли что почудится.

Но едва он миновал углубление, как зазвучал странный, неземной голос, вещающий на незнакомом языке, который Николай, тем не менее, понимал:

– Внемли мне, Фривид! Минула вторая декада адореха эры ильраха, и настала пора. Ты должен проснуться, эвгаст.

Эра ильраха (лиолисианское) – эра смерти.

Ошеломлённый мужчина всмотрелся в густые тени, и снова ему показалось, что в них прячется существо, способное вызвать ужас и отвращение у нормального человека. Рядом возникло движение, и к окаменевшему Комарову потянулся безобразный комок черноты, пытаясь коснуться руки. Вскрикнув, он шархнулся в сторону, но поздно, тьма

влилась в него, наполнив мозг звуками музыки и воющими голосами. Усилием воли выпихнув эту какофонию из головы, Николай вырвался и помчался к выходу, преследуемый словами:

– Просыпайся, Фривид, ты нужен Лиолису...

Выскочив к вахте, запыхавшийся Комаров спросил у дежурной:

– Тётя Нина, сюда входил кто-нибудь, кроме актёров?

Голос его дрожал.

– Нет, Коленька, – ответила та, – не входил и не выходил. А почему ты спрашиваешь?

– Да померещилось мне что-то в темноте. Стыдно, но испугался до мурашек.

Вахтёрша понимающе кивнула.

– Всё может случиться, сынок. Здание немолодое, сам знаешь, случалось, и артисты тут умирали. Мало ли что по коридорам бродит. Но пока, бог миловал, ничего страшного не стряслось. Дома водичкой святой умойся, чтобы не пристало.

– Да, спасибо, тётя Нина. Побегу я, дочка болеет.

– Беги, Коленька. Леночке привет передавай, соскучилась я по ней.

– Обязательно.

Толкнув дверь, Комаров прыгнул в такси, и, пока машина везла его по ярко освещённым широким улицам, успокоился. Но когда он вошёл в подъезд, где царила первозданная тьма, сердце актёра вновь сдавило ужас.

– И тут экономия, – сквозь зубы процедил он, разрываясь между желанием поскорее попасть домой и иррациональным страхом.

Жил Николай невысоко – на втором этаже, но никак не мог заставить себя взойти на первую ступеньку. Наконец, мужчина нашёл выход: напряжённо всматриваясь во мрак, Комаров достал телефон и позвонил жене. Когда та ответила, он попросил:

– Леночка, встретить меня, пожалуйста, точнее, дверь открой. Тут так темно, что боюсь переломать ноги.

Он выслушал сетования женщины по поводу хулиганов, бьющих лампочки, щёлкнул замок, и лестницу залил свет. Уже без опаски Николай направил шаги вверх, однако ему показалось, что темнота нижней площадки, судорожно сжавшись, метнулась в сторону от упавшего на неё луча. Проглотив комок, Комаров взлетел по лестнице и ворвался в квартиру.

– Как Лиза? – спросил он с порога.

– Всё хорошо, Коля. Температура почти нормальная, нет ни кашля, ни насморка. Полежит денёк и в школу.

– Не торопись, пусть дома побудет. И прости, что я так поздно, опять худсовет с вечным переливанием из пустого в порожнее, еле вырвался.

– Ничего, милый, – ласково ответила жена, – мне Миша помог, развлёк Лизочку, пока я занималась малышкой. Что обсуждали?

Этот вопрос она задала, направляясь на кухню, откуда пахло так вкусно, что у голодного Николая разворчался пустой желудок.

– Опять не обедал? – укоризненно качая головой, сказала Лена, – Ох, подорвёшь ты здоровье.

– Ну, что ты, милая, – притягивая к себе и нежно целуя женщину, ответил Комаров, – ты же знаешь, меня никакая зараза не берёт.

– Да, и, слава богу, – перекрестившись, ответила та, – не буду накликивать.

И принялась раскладывать по тарелкам еду.

– А дети, – поинтересовался Николай, – уже кушали?

– Давно поужинали, – взяв свою порцию, отозвалась жена.

Комаров ел и рассказывал Лене о произошедшем за день. Немного поколебавшись, он поведал ей о странном происшествии в театре, добавив:

– Видно, нервы стали ни к чёрту, вот и мерещится всякое.

И очень удивился, когда жена резко поднялась и, сделав несколько шагов по кухне, протянула мужу газету.

– Нет, Коля, не нервы. Взгляни-ка. Ещё час назад я над этим смеялась...

Посмотрев на отчёркнутую статью, Николай кинул взгляд на заголовок и углубился в чтение. Закончив, он поднял на Лену глаза, в которых плескалась паника.

– Но... но ведь...

– Ты обратил внимание, – перебила она, – что эти несчастные исчезали ночью в таких местах, где тьма непроницаема. Я никогда не верила в сверхъестественное, но теперь...

– Главное, не волнуйся, Лен, – твёрдо сказал Комаров. – Сегодня всё обошлось, и, скорее всего, никогда не повторится. Снаряд дважды в один окоп не попадает.

– Дай-то бог! Но ты уж, пожалуйста, будь осторожнее, ладно?

Он кивнул.

– Конечно. Кто предупреждён...

В кухню вошёл пятнадцатилетний Михаил – сын Комаровых, и разговор перешёл на другие темы.

Вика Семёнова отмечала семнадцатый день рождения. Они с друзьями славно повеселились. Мама позволила дочери пригласить всех, кого та сочтёт нужным, а сама уехала к бабушке. Конечно, Вика устроила бы вечеринку и без разрешения. Она не слишком считалась с мнением матери, выяснив недавно, что когда-то женщина взяла малютку-дочь из детского дома. А раз они не родные, решила Вика, значит, командовать ею мать не имеет права.

Опустошив стол, гости отправились гулять по улицам ночного города. Вскоре то один, то другой стали покидать компанию, уединяясь со своими парами, или валясь на скамейки и засыпая, и, в конце концов, Вика с одноклассником Игорем, остались вдвоём. Парень девушке не нравился, и ей совсем не хотелось встречать рассвет в обществе пьяного недоумка. Поэтому она вздохнула с облегчением, когда тот, пошатнувшись, свалился в кусты, откуда послышались громкое сопение и тихий храп.

Однако через минуту Вика осознала, что осталась одна, до дома далеко, а вокруг, как назло, внезапно погасли все фонари. И только в конце улицы призывно мигали одинокие огоньки. Она ускорила шаг, чтобы поскорее выйти на свет, но тут в кустах что-то шевельнулось, и Вика, вздрогнув, замерла, испуганно всматриваясь в темноту.

– Этого ещё не хватало, – мелькнула мысль.

Не повышая голоса, она окликнула:

– Игорь, это ты? Вылезай, дурак, думаешь, я боюсь?

Никто не появился, и девушка уже собралась идти дальше, когда тьма надвинулась на неё, и прозвучал потусторонний голос:

– Внемли мне, Изанжи! Минула вторая декада адореха эры ильраха, и настала пора. Ты должна проснуться, эвгаста.

Обвив тело Вики, сгусток мрака потянул её под густые, колючие ветви. Она завизжала, но вопль резко оборвался, и наступила тишина. Один за другим зажглись фонари, осветив пустую асфальтовую дорожку, где минуту назад стояла девушка, а проснувшийся от шума и протрезвевший от страха Игорь тщетно разыскивал подругу, обшаривая заросли.

Майкл Финч вышел из бара. Голова его кружилась от выпитого, а мочевого пузырь грозил лопнуть. Какого, спрашивается, шута он не заглянул в туалет, куда торопился? Дома его всё равно никто не ждёт. Женщина, с которой он жил, недавно ушла, захватив всё ценное и оставив Майкла почти без гроша в обчищенной до обоев квартире.

– Сука! – выругался он, вспомнив об этом.

Ну, ничего, Финч не позволит себя сломать никаким обстоятельствам; жизнь в приюте научила его быть пробивным. В конце концов, он найдёт работу и встанет на ноги. Надо только поменьше пить...

Резь в мочевом пузыре стала нестерпимой. Зайдя за угол, Майкл облегчился у заваленных мусором ящиков. Застёгивая молнию на джинсах, он краем глаза заметил, как неподалёку что-то зашевелилось. По спине Финча побежали мурашки. «Надо удирать», – подумалось ему. Но вместо этого мучимый любопытством Майкл, подобно герою дешёвого фильма ужасов, шагнул к тёмному закоулку. Приблизившись, он, скорее, почувствовал, чем услышал, что в мозг его вливаются слова, произносимые странным, сверхъестественным голосом:

– Внемли мне, Охак! Минула вторая декада адореха эры ильраха, и настала пора. Ты должен проснуться, эвгаст.

Тьма подступила к Майклу, заполнив голову музыкой и голосами, а когда всё закончилось, мужчина, глядя прямо перед собой, ровным тоном произнёс:

– Я готов.

– Идём же, – прошелестел мрак на родном Охаку языке, – я отведу тебя к наместнику великого жатира.

И окутал замершего человека мгливой дымкой. Через секунду место, где тот стоял, опустело.

Глава 2

Николай шёл к кабинету директора, гадая, зачем так срочно тому понадобился. Миновав злополучную нишу, Комаров остановился, пристально вглядываясь в темноту, но не увидел ничего подозрительного. Вздохнув с облегчением, он распахнул дверь и, шагнув через порог, удивлённо осмотрелся.

И было чему изумляться: помещение словно увеличилось вдвое. Произошло ли это благодаря выстроившимся в ряд зеркалам, или комнату зрительно расширила белизна стен, но она казалась огромной. Николай Михайлович сидел в большом кресле спиной к визитёру.

– Подойди ближе, – донеслось из-за высокой спинки.

Остановившись у стола, Комаров взглянул на свои многочисленные отражения и остался доволен.

– Долго мне ещё играть героев-любовников, – подумалось ему.

Устремив взгляд на широкое окно, Николай ждал, когда директор соизволит показать свой лик. Внезапно он осознал, что высотки за стеклом выглядят необычно: острые пики чёрных зданий, похожих на сталагмиты, залитые мертвенно-бледным искусственным светом, упирались, казалось, в самое небо, а вокруг них кружили необычной формы летательные аппараты.

Засмотревшись на это зрелище, Комаров не сразу заметил, что собеседник повернулся к нему, и опомнился, лишь услышав странное:

– Лиолис скучал по тебе, Фривид. Скоро ты сыграешь лучшую роль в своей жизни.

Взглянув на говорящего, Николай сначала опешил, а потом закричал.

Подскочив в кровати с оглушительным, как ему показалось, воплем, мужчина некоторое время ошалело смотрел в стену напротив. По-видимому, он всё-таки не издал ни звука и не потревожил сон лежащей рядом Лены. Жена спала, приоткрыв рот, и светлые волосы её разметались по подушке подобно лучикам солнца. Вглядываясь в милое, родное лицо, Комаров вспоминал, как всё началось.

Когда Николай окончил институт, его пригласили в театр крупного областного центра, где он работал до сих пор. Дебют принёс актёру такой успех, что судьба его, как примы, сразу же оказалась решена, и с того момента все главные мужские роли принадлежали ему.

Но Комаров не позволил себе расслабиться и заболеть звёздной болезнью. Каждый образ он тщательно прорабатывал и на сцене полностью преображался, не играя, а проживая жизнь своего героя. Это не осталось незамеченным, и через пару лет на ошеломлённого актёра посыпались приглашения в столицу.

Почему Николай отклоняет заманчивые предложения, не знал никто, кроме него и пришедшей недавно в труппу Лены Самовязовой. Комаров влюбился в Леночку, и не смог променять её на карьеру. А та, не понимая, как ведущий актёр мог увлечься ею – провинциальной простушкой, среднего уровня артисткой, долгое время не воспринимала приму всерьёз, заставляя страдать.

Но, когда она поверила, что Николай отказывается от московских сцен ради неё, возникла любовь. Старшего сына Мишу они зачали ещё до свадьбы, и, узнав, что Лена беременна, Комаров настоял на браке. У них не происходило обычных для молодых семей ссор и скандалов, пара жила так, словно оба прошли через все притирки давно и не в этом мире.

В театре Николая не поняли. Девушка не отличалась особой привлекательностью, не выделялась и в профессиональном плане, поэтому никто не предполагал, что она может стать избранницей подающего огромные надежды артиста. Красивые актрисы, положившие глаз на Комарова, злились, мужчины недоумевающе пожимали плечами, но Николай умел мыслить самостоятельно, отстаивать своё мнение, и окружающие постепенно смирились с произошедшим.

Нежно поцеловав жену в уголок рта, Комаров осторожно поднялся. Спать не хотелось. Вспоминая сегодняшний кошмар и покачивая головой, Николай направился в ванную. Приняв душ, он принялся чистить зубы, вполголоса мурлыча мотивчик популярной песенки-однодневки.

Проведя рукой по запотевшему зеркалу, актёр заглянул в его туманные глубины и напрягся. Сплюнув пасту и наскоро прополоскав рот, он снова осмотрел себя. Нет, ему не померещилось: на животе явственно проступали кубики мускулатуры. Зажмурившись, Комаров помотал головой, пытаясь прогнать наваждение.

Николай старался поддерживать себя в форме, ел мало и редко, несмотря на недовольство Леночки, но спортом не занимался. Работа в театре, пара кружков в школах, репетиторство – всё это не оставляло сил и времени на другие увлечения. Поэтому актёр был худощав, но не мускулист, и увиденное поразило мужчину.

Он напряг бицепс и снова изумился, когда под кожей вздыбились тугие шары.

– Что за чёрт, – подумал Комаров, опустив руки, – даже плечи как будто стали шире. В тело что ли вхожу? А не поздновато?

Заглянувший в ванную Миша присвистнул:

– Хорошо выглядишь, пап. Начал в качалке заниматься?

– Нет, и не знаю, откуда это взялось.

Сын недоверчиво посмотрел на отца.

– Шутишь? Мышцелатура сама не появляется.

– Не шучу. Я, действительно, не понимаю, в чём дело. Ты в школу не опоздаешь?

– Мне ко второму уроку. Кстати, вернусь поздно, мы с ребятами идём в кино.

– Хорошо, я скажу маме.

Вспомнив что-то, Комаров остановил сына, взяв того за руку.

– Держись ближе к свету, Миша. Люди пропадают, ты, наверное, уже слышал.

– Пап...

Подросток хихикнул.

– Да всё это чушь, утка-страшилка.

– Вовсе нет...

И Николай рассказал о вчерашнем происшествии.

– Ничего себе!

Мальчик задумался.

– Ладно, не беспокойся, пап, – произнёс он, – я стану ходить под фонарями.

– Если что, звони нам с мамой, мы тебя встретим.

– Договорились. Пока.

И, помахав отцу рукой, подросток исчез. А Комаров снова уставился в зеркало.

– Мишка, ты идёшь с нами сегодня? – спросила мальчика сидевшая рядом симпатичная брюнеточка.

Её звали Дашей, но юной львице не нравилось это имя, поэтому, всеми правдами и неправдами, она заставила одноклассников называть её Яной. Те посмеивались, но шли у девочки на поводу.

– Да. Я уже предупредил родителей.

Яна хмыкнула.

– Ты до сих пор сообщаем им, куда собираешься? А о свидании с девушкой тоже доложишь?

Миша, как и отец, обладающий самостоятельностью мышления, кивнул.

– Непременно. Зачем заставлять их волноваться?

– Ну и дурак...

Скривив губы, Яна отвернулась, а мальчик, пожав плечами, принялся выкладывать на стол учебники и тетради.

Прозвенел звонок, в класс вошла учительница английского. Школьники встали. Преподавательница махнула рукой, разрешая садиться, и, закрыв тёмные шторы, чтобы продемонстрировать новый фильм, заговорила на языке, который понимали далеко не все. Но к Мише это не относилось. *Лингвистические способности* у него проявились рано, и в свободное время подросток занимался самообразованием. Он слушал учителя вполуха, строча записку девочке с соседнего ряда, и вдруг... что-то чуждое слышалось ему в привычной английской речи. Так и есть, на фоне стандартного текста зазвучали странные слова:

– Внемли мне, эвгаст Михаил! Ты должен вспомнить то, чего никогда не знал. Немедленно пробуждайся, эвгаст.

Лингвистические способности – способности человека к изучению иностранных языков.

Голос умолк, и подросток вернулся в реальность.

– Что это? – испуганно подумал он. – Я схожу с ума? Или это из-за отцовских баек?

Он огляделся. Одноклассники со скучающим видом слушали учительницу и, похоже, никто не заметил ничего странного. Миша поднял руку.

– Марина Сергеевна, позвольте мне уйти. У меня болит голова.

Она, действительно, немного болела. И ему поверили, потому что англичанка, озабоченно посмотрев на подростка, сказала:

– Иди. Только умойся прежде чем покинуть школу.

Мальчик кивнул и, скинув учебные принадлежности в сумку, шепнул Яне:

– Встретимся у кинотеатра.

Девочка, растерянно глядя на него, что-то промычала, и Миша вышел из класса.

– Умываться-то зачем? – озадаченно подумал он, проводя рукой по лицу.

Ладонь оказалась испачканной кровью. Кинувшись в туалет, мальчик посмотрел в зеркало. Да, под носом уже запекалась коричневая корочка.

– Странно, как я этого не заметил? – подумал Миша. – Что же со мной происходит? Надо немедленно рассказать отцу.

Поплескав в лицо водой, он вытерся платком и выбежал на улицу.

Когда Николай вышел из ванной и оделся, жена уже кормила полугодовалую Юлечку. Увидев мужа, Лена встрепенулась.

– Я сейчас приготовлю завтрак, не успела, извини, – виновато сказала она. – Подожди минуточку.

Комаров возмущённо махнул рукой.

– Не вздумай. Яичницу я и сам себе пожарю.

Разбив четыре яйца и посолив их, он накрыл скворчащую сковородку крышкой и сел к столу, с любовью глядя на жену и дочку. Неожиданно женщина спросила:

– Коля, ты начал качаться, да?

Комаров уставился на неё.

– Вы с Мишей сговорились? Ты же знаешь, у меня нет на это времени.

– Но, милый, рубашка чуть не лопаётся у тебя на плечах, они стали шире.

Он развёл руками.

– Да возраст, наверное: мышечную массу набираю.

Во взгляде Лены отразилось сомнение.

– Возможно. Но, что бы ни стало причиной, выглядишь ты великолепно.

– Спасибо, родная, – целуя её, растроганно отозвался Николай.

Позавтракав, он снова обнял Лену, прижался губами к лобку девочки и направился к двери.

– Как всегда, допоздна? – окликнула женщина.

– Нет, – отозвался Комаров, – постараюсь вернуться засветло, после нападения темноты мне как-то не по себе. Но Мишу рано не жди, они с друзьями в кино собираются.

– Хорошо, что предупредил.

Когда Николай открыл дверь, в квартиру ворвался сын.

– Пап, можешь минут на пять задержаться?

– Что-то случилось?

– Да. Примерно, то же самое, что и с тобой, но только днём и в классе.

У Комарова опустились руки. Потерянным взглядом он посмотрел на Мишу и, запоздало кивнув, вернулся на кухню. Сын шёл следом. Выслушав мальчика, Николай задумался, а Лена глядела на обоих расширенными от страха глазами.

– Что же происходит? – наконец сказал Комаров. – Что за силы запугивают нашу семью? И почему именно её?

– Мишенька, – дрожащим голосом произнесла Лена, – пожалуйста, не ходи никуда сегодня.

Подросток расстроено покачал головой.

– Мам, но я обещал. Я буду очень осторожен, даю слово. А впредь не стану никого обнадеживать. Хорошо?

Женщина неохотно кивнула:

– Надеюсь на твоё благоразумие.

Николай похлопал сына по плечу, они улыбнулись друг другу, и мужчина, выйдя, наконец, за дверь, побежал вниз.

День Комарова, как обычно, оказался забит под завязку. Закончив занятия в одной школе, он помчался в другую – ту, где учился Миша, а после отправился к ученикам. Способности к языкам передались мальчику от отца: тот свободно владел тремя и подрабатывал, обучая ленивых оболтусов разговорной иностранной речи. Это давало неплохой доход, но отнимало уйму времени, иногда Николай даже не успевал прочитать пьесу до репетиции. Вот и сейчас, нервно поглядывая на часы, актёр летел к театру, надеясь урвать минутку, чтобы ознакомиться с ролью.

Он успел. Сидя в фойе рядом с новым вахтёром, Комаров изучал текст инсценировки, а вскоре актёров позвали на сцену.

Репетиция шла споро, режиссёр был доволен, но в разгар работы послышался голос осветителя:

– Николай Александрович, вы режетесь.

– Что? – растерялся тот.

– Я допускаю, что это мой просчёт, и заново поставлю свет, но, кажется, вы выросли, Николай.

Комаров, не зная, что ответить, беспомощно хлопал глазами.

– А ведь верно, – подтвердила актриса по имени Лилия, – Коля, ты не только вырос, но и в плечах раздался.

– Что же это такое, – возмутился режиссёр, – что за дурацкие шутки?

И крикнул осветителю:

– Это вы подстроили, Григорий?

В наступившей тишине прозвучало обиженное:

– Я не в том возрасте, чтобы заниматься глупыми розыгрышами. Сами взгляните...

– Потом разберёмся, – внезапно разозлился Николай. – Продолжаем...

Он махнул рукой. Раздался треск, и рубашка на плече мужчины разошлась по шву.

– Да у тебя и бицепсы появились! – ахнула Лилия.

Комаров схватился за голову, и от резкого движения оторвался второй рукав.

– Господи!

Спрыгнув со сцены, Николай понёсся к выходу.

– Простите меня, Володя, – на ходу крикнул он режиссёру, – мы непременно сделаем всё в срок, но сейчас я должен выяснить, что происходит.

Актёры проводили убегающую приму глазами и, переглянувшись, вернулись к работе.

Покинув кинотеатр, весёлая толпа детей двинулась по направлению к девятиэтажкам. Миша, изображая галантного кавалера, предложил одну руку Яне, а другую Наташе, от прикосновений которой у него сжималось сердце.

На столбах начал разгораться свет, тьма вокруг стала казаться гуще, и мальчик забеспокоился. Опасаясь, что родители будут нервничать, он предложил девочкам ускорить шаги; до их домов оставалось ещё порядочное расстояние.

Наконец, они дошли до затерявшегося в высотках трёхэтажного здания, где жила девушка Мишиной мечты. Неловко поклонившись, подросток пожал руку Наташи, та улыбнулась и, послав подруге воздушный поцелуй, скрылась за дверью. Яна хихикнула:

– Чудной ты. Ведёшь себя так, словно живёшь не в двадцать первом, а в девятнадцатом веке. Реверансы эти...

– Меня удивляет, что ты знаешь это слово, – сквозь зубы пробормотал задетый за живое Миша. – Я считаю это нормальным поведением, а вот твоё окружение...

– Да ладно тебе...

Яна удивлённо рассмеялась.

– Я же пошутила. Плохо, что ты такой чувствительный, в жизни тебя и не так зацепят.

– Психолог, – насмешливо отозвался Миша и... обмер.

Внезапно он осознал, что идёт в полной темноте; фонари не горели. Такое случилось и раньше, но сейчас мальчик физически почувствовал отсутствие света. Мрак каменной глыбой навалился на него, не давая дышать и шевелиться.

– Эвга-аст, – прозвучал тихий голос.

Девочка тоже услышала его. Испуганно озираясь, она пыталась сдвинуть провожатого с места, дёргая того за рукав.

– Эвгаст Михаил, настала пора. Ты нужен Лиолису.

Тёмное облако опустилось на подростка, а Яна завизжала.

Глава 3

В небольшой комнатке с белёными стенами сидели двое. Пожилая женщина с седыми волосами держала в руке предмет, напоминающий маленький сотовый телефон и, не отрывая взгляда от дисплея, разговаривала с девочкой лет шестнадцати-семнадцати.

– Шла эра рахгуна – расцвета, – говорила она. – Звезда Алгор тогда ещё ярко горела, даря живительное тепло как лиолисианцам, так и их посевам. Лето стояло не только в течение месяца лиародор, как сейчас, но захватывало *адорех*, *корнат* и *лабит*. И только, когда наступал *сенега*, начинало холодать. Мы пережидали снежный *пускам*, и Алгор вновь ласкал нас своими лучами...

Адорех, корнат, лабит, сенега, пускам, лиародор (лиолисианское) – месяцы на Лиолисе, длящиеся около земного года.

– Бабушка, – перебила девочка, – ты повествуешь об этом, словно сама жила в те времена.

Та засмеялась.

– Тебе не вживляли память, Усла, но, если это произойдёт, ты тоже будешь знать всё. Слушай дальше. Я не стану рассказывать о войнах, поговорим об этом на следующем уроке, но упомяну, что мощные выбросы энергии жатиров, использовавших звезду для подпитки и атак, привели к тому, что Алгор погас. Воцарились тьма и холод, растения погибали, и с каждым днём в воздухе оставалось всё меньше кислорода. И только в лиародор мы могли в искусственных условиях выращивать урожаи, резко сократившиеся из-за отсутствия тепла.

Это, наконец, подтолкнуло нас к тому, чтобы прекратить разрушительные баталии. Жатиров к тому времени осталось очень мало, они обленились, стали почти безопасными, и мы сумели привести их к покорности, сосредоточившись после на изобретении того нового, что могло бы поддержать жизнь на планете. Наступила эра генгеста – миролюбия.

Но однажды в середине второй декады сенега жатиры вновь подняли головы. Один из них, уничтожив собратьев, встал во главе всего мира, а у нас не достало сил, чтобы ему противостоять. И настала эра ильраха – эра смерти.

Усла серьёзно смотрела на женщину.

– Бабушка, а вуши, кто они? Откуда взялись?

Та пожала плечами.

– Никто не знает, как они появились, но вуши – создания тьмы. Они не опасны, но неприятны. Ты же прикасалась к одному, тебе понравилось?

Девочка замотала головой.

– Такое чувство, – брезгливо сказала она, – что трогаешь слизняка.

Бабушка кивнула.

– Именно. По сути, это ослизлый туман, аккумулирующий энергию умирающей нашей, да и любой другой звезды. И у него есть одна интересная особенность: вуши способны очень быстро перемещаться в космосе без корабля, используя *кротовые норы*.

Кротовая нора в космосе – транспространственный ход, соединяющий черную дыру и соответствующую ей дыру белую. Она протыкает свернутое в дополнительных измерениях пространство и позволяет перемещаться по действительно короткому пути между звездными системами.

– Ничего себе! Нам бы так, – мечтательно сказала впечатлённая Усла. – Мы могли бы тогда улететь с Лиолиса в поисках новых прекрасных миров.

Женщина кинула на внучку грустный взгляд.

– Милая, ни в нашей, ни в ближайших галактиках нет планет, где существует жизнь. Похоже, мы одни во Вселенной и если вскоре не отыщем места, куда сможем переселиться, то умрём вместе с Алгором и Лиолисом.

Она вздохнула и закончила разговор, увлекшись прибором, который держала в руках. А девочка задумалась. Перед её внутренним взором проносились знакомые ей по рассказам наставницы галактики и туманности, давно погибшие леса, зелёное небо родной планеты, которого ей никогда не увидеть, пурпурные травы лугов. Усла тихонько заплакала, ругая себя за опасную сентиментальность. Твёрдость – вот что требовалось сейчас от жителей Лиолиса. Впереди была борьба за выживание, шла эра ильраха.

Николай ворвался в квартиру и, скинув куртку, бросился в комнату средней дочери, где стояло большое зеркало. Посмотрев в него, Комаров застонал. Раньше ему не приходилось приседать или нагибаться, чтобы увидеть себя в полный рост, макушка находилась аккурат у верхней черты, сейчас же отражение упиралось в верхнюю планку переносицей. Артист согнул руку в локте, наблюдая, как под кожей перекачиваются мышцы. И, наконец, сорвав рубашку, провёл ладонью по мускулам торса.

– Коля...

Неожиданно вошедшая Лена охнула и застыла, глядя на преобразившегося мужа, а тот продолжал искать и находил новые изменения. Нос слегка заострился и приобрёл резкие очертания, губы казались тоньше, лицо костистее. Глаза увеличились, их разрез

несколько изменился, а суженные зрачки на большой радужке производили жутковатое впечатление.

Трансформации подверглись и руки: они выглядели массивнее, но в то же время длиннее и изящнее, чем раньше, и кроме того...

– Лена, – взвыл Комаров, – Леночка! Что же это, господи?!

И показал жене раскрытые ладони, на которых рядом с мизинцем появились то ли *рудиментарные*, то ли настоящие пальцы.

***Рудиментарный* – недоразвитый орган у человека или животного, потерявший былое значение, ныне нецелесообразный.**

– Леночка, Леночка, – в отчаянии бормотал Николай, тяжело опускаясь на кровать. – Это всё она – темнота, она что-то сделала со мной.

Жена кинулась к Комарову и, обняв его, заплакала.

– Коленька, – всхлипывая, говорила она, – зачем ты так расстраиваешься? Меняешься, ну и что? У тебя же есть я, дети, мы любим тебя и всегда будем любить. А что касается работы, то не уволят же тебя из театра, ты ведь стал ещё красивее, необычнее.

– Ты не понимаешь, Лена, – стонал Комаров, – я себя теряю. В голове у меня всё мешается, мысли странные приходят, кошмары снятся. А вдруг однажды утром я проснусь и тебя не вспомню.

– Я не допущу этого! – твёрдо сказала женщина. – Ты меня любишь?

– Больше жизни!

– Тогда повторяй это ежесекундно, и никогда не забудешь ни меня, ни детишек.

Николай встрепенулся.

– А, кстати, где они?

– Юленька спит, Лиза на кухне рисует...

– А Миша?

Лена испуганно посмотрела на мужа.

– Он ещё не вернулся. Ох, Коля...

Не успел Комаров осознать услышанное, как раздался голос дочки:

– Мама, папа, смотрите, Мишку по телевизору показывают.

Зажав рот ладонью, чтобы не закричать, Лена слушала новости, а бледный Николай сидел рядом, бессильно опустив руки.

«В нашем городе обнаружена новая жертва темноты. Около получаса назад в милицию позвонила ученица средней школы-гимназии номер двадцать Наташа Кротова, сообщив, что двое её одноклассников подверглись нападению мрака. Один из них – Михаил, сын известного актёра Николая Александровича Комарова, пропал бесследно, а его спутницу Дашу Миронову до сих пор не могут привести в чувство.

Наташа рассказала, что выглянув в окно, увидела, как тьма окутала Михаила с головы до ног, и он исчез. А второй чёрный сгусток направился к девочке, которая сначала кричала, а потом упала и затихла.

И вновь возникает вопрос: что за сила терроризирует наш город и весь земной шар? Чего нам ожидать в дальнейшем, и какие меры принимаются властями, чтобы спасти людей от неведомой опасности?»

Новости давно кончились, на экране под музыкальную какофонию кривлялись танцоры, а несчастные родители всё ещё сидели, глядя в телевизор пустыми глазами. Наконец, Николай поднялся.

– Я отыщу тьму, – сказал он ровно, – ведь я тоже нужен ей. Пусть она захватит меня, а я найду Мишу.

– Нет, Коля, прошу тебя, – тихо произнесла Лена. – Мы потеряли сына, но вдвоём переживём любую беду. Если погибнешь и ты, я не выдержу. Я не настолько сильна.